

И. З В А В И Ч

Три новые книги Г. Уэллса¹

Несмотря на свои 72 года, Уэллс все еще продолжает внимательно следить за теми вопросами, которые волнуют сегодня английскую интеллигенцию. Этим интересны многие из новых его произведений,— даже те, которые в литературном отношении слабее, чем его прежние книги.

Все три книги Уэллса, опубликованные им за 1937 год, имеют немало общего между собой. Героями всех их являются представители той буржуазной интеллигенции, которая теснейшими узами связана с существующим капиталистическим строем. Это обеспеченные люди, комфортабельно устроенные, так сказать, хозяйева своей судьбы. Но в большинстве это люди мыслящие. И так как они люди мыслящие, им мало их материального комфорта, поскольку они не имеют внутреннего спокойствия, поскольку в конец разрушен их моральный уют.

Книги Уэллса отражают глубокое беспокойство, охватывающее английскую буржуазную интеллигенцию. В этом отношении они созвучны тем произведениям Уэллса, которые были опубликованы в «Интернациональной литературе» в 1937 году,— «Игрок в крокет» и «Облик грядущего».

Интереснее других фантастический роман «Рожденные звездой». Героем его является автор популярных книг по истории Джозеф Дэвис. Уэллс изображает в Дэвисе, так сказать, одну из сторон своего собственного «Я»; как и Уэллс, Дэвис занят изображением су-

деб человеческого рода в обширном популярном исследовании «Парад человеческой истории» (сам Уэллс вскоре после войны выпустил труд «Основы истории»). Дэвис присутствует в клубе на собеседовании ученых, обсуждающих проблемы современной физики и биологии. В беседе затрагивается вопрос о влиянии космических лучей на человеческую психику и в частности на образование характера. Дэвису приходит в голову мысль о том, что космические лучи сознательно направляются на землю марсианами, которые экспериментируют над человечеством, пытаются привить людям несвойственные им, новые психические и психофизические свойства. По мысли Уэллса-Дэвиса, космическими лучами марсиане деформируют человеческий зародыш в утробе матери, и ребенок рождается наполовину марсианином, хотя окружающие того не замечают. «Рожденный звездой» в сущности ненормален, но он выше, интеллигентнее, сильнее окружающих его обычных людей; он ценнее их, как экземпляр человеческой породы; ему свойственно критическое мышление, которого лишено огромное большинство людей.

Фантастическая идея о космических лучах, посылаемых марсианами на землю, овладевает умом Дэвиса. У него должен родиться сын, и Дэвис настойчиво следит за психикой своей жены, которая, как ему кажется, не лишена странностей. Полагая, что космические лучи марсиан действуют на его жену, Дэвис открывается врачу, который ее лечит, и через посредство врача идея Дэвиса становится достоянием сначала небольшого круга интеллигентов, а затем и предметом обсуждения в печати. Издатель желтой газеты лорд Сендеркленп, в лице которого выведен глава английского синдиката газет лорд Ротермир, поднимает в печати кампанию против «извращенных марсиан», разрушающих «наш» семейный очаг и уничтожающих то, что дорого «человеческой расе». Но кампания Сендерклена терпит неудачу; читатели газет оказываются одинаково безразличными и к самой идее космических лучей и к ее опроверже-

¹ Г. Дж. Уэллс. Рожденные звездой. Биологическая фантазия. Лондон. 1937 г. Чатто и Виндус. 199 стр. (H. G. Wells. STAR BEGOTTEN. A biological fantasia. London. 1937. Chatto and Windus, pp. 199).

Г. Дж. Уэллс. Кэмфордское посещение. Лондон. 1937. Мэтьюэн и Ко. 76 стр. (H. G. Wells. THE CAMFORD VISITATION. London. 1937. Methuen and Co, pp. 76).

Г. Дж. Уэллс. Брингильда. Лондон. 1937. Мэтьюэн и Ко. 274 стр. (H. G. Wells. BRYNHILD. London. 1937. Methuen and Co, pp. 274).

нию в синдицированной печати. Только Дэвис и его немногие друзья продолжают верить в идею космических лучей, но и у них она терпит некоторое видоизменение. Место биологической фантазии исподволь занимает мнение, что «рожденные звездой» — это в сущности все выдающиеся, критически мыслящие люди, те, кто беспокоится о судьбах человечества, а не только о самом себе.

«Для всех дальновидных людей,— заметил доктор Хольдман Штеддинг,— будущее человечества всегда представлялось в мрачном свете».

«В особенности теперь,— заметил Дэвис,— война в воздухе, биологическая война, безработица, распад социальных связей, быстрое уничтожение свободы мысли — таковы факты сегодняшнего дня».

«Да,— сказал Хольдман Штеддинг.— В особенности теперь. Наступила переоценка тех ценностей, которые мы расценивали особенно высоко».

«У меня впечатление, что происходит распад нашего мира, или что от нашего мировоззрения отпадают целые куски. Происходят какие-то великие потрясения. И всего ужаснее то, какой слабой оказывается всякая ясная, чистая мысль. В теперешнем состоянии человечества меня поражает более всего полное господство грубого, пошлого мышления, мышления низменного. Это грубое мышление... воплощается в герое, подобном, например, Гитлеру, который солидаризируется с ним и дает ему выход в своих вызывающих выступлениях. Догматический шовинизм, массовый страх, кажется мне, проявляют себя в большей степени теперь, чем когда-либо в человеческой истории, проявляют себя чудовищно и отвратительно».

Этот мрачный пессимизм героев Уэллса усиливается еще потому, что, по мнению писателя, интеллигенция бездействует и молчит. Ее представители не решаются высказать правду, свою правду, толпе, потому что боятся толпы и боятся за свое обеспеченное существование. И Уэллс издевается над «свободной» Англией, где, правда, нет гитлеровских концентрационных лагерей, нет инквизиции и мучеников мысли, но где цензура действует невидимо и где интеллигенция «свободна, поскольку она не пользуется своей свободой».

Вторая книга, «Кэмфордское посещение», в идейном отношении тесно связана с первой. Это также фантастический рассказ, не лишенный известной примеси мистики. Действие происходит в Кэмфорде, воображаемом университетском центре, сложенном из названий

двух английских университетов — Кэмбриджа и Оксфорда. Жизнь Кэмфорда идет по обычным, размеренным, традиционным путям, когда откуда-то, повидимому из четвертого измерения, в эту жизнь врывается властный ГОЛОС. Голос полемизирует с профессорами и доцентами, заставляет себя слушать, поселяет сомнения в университетской науке и академических традициях, угрожает, увлекает, критикует. Кому принадлежит голос — неизвестно. Владелец таинственного голоса сообщает о себе своим собеседникам, что он посещает нашу планету время от времени, примерно через несколько тысячелетий, и наблюдает за состоянием человеческих существ, которыми интересуется и к которым питает известную склонность. Кэмфордское посещение заставило на этот раз обладателя голоса серьезно задуматься над тем, не обречено ли человечество на гибель, так как мозг человеческий не вмещает более всех достижений человеческой науки. Голос говорит о гибели цивилизации, предупреждает о ней, предлагает сплочение всех сил человечества, которые ныне расточаются в бесплодной борьбе. Но Голос оказывается бессильным пробить брешь в тупом самодовольстве, которое царит в академическом мире. Таинственный голос выражает, конечно, мысли Уэллса.

«Время идет. Ваш род (человеческий) производит без всякого плана одно изобретение за другим, так что в вашем мире механические силы растут, подобно раковой опухоли. В ближайшем будущем, не более чем через несколько десятилетий, станет возможным для небольшой кучки отчаянных людей отравить самый воздух над вашей землей, заразить болезнями все человечество и уничтожить его или взорвать самую землю. Между тем, вы не предпринимаете ничего, чтобы предупредить надвигающуюся катастрофу или помешать ей...

Почему я обращаюсь с этим к вам, в Кэмфорде? Потому что я люблю человечество. Потому что вы представляете собой предел человеческого образования. Потому что вы стоите во главе человечества и на его пути. Вы, собравшиеся здесь, являетесь очагом воспитания. Если человечество погибнет, это будет результатом банкротства тех, в чьих руках находится воспитание, банкротства учителей, слабости школ, упрямства, намеренного саботажа университетов...»

Наиболее активный отклик встречает Голос в среде кэмфордских коммунистов. Уэллс приводит воображаемую статью, в которой редакция журнала кэмфордских коммунистов (студентов-прозелитов из рядов интеллигенции)

отвечает Голосу. Уэллс пробует издеваться над кэмфордскими коммунистами, для которых марксизм, по его мнению, лишь модное учение, к тому же воспринятое ими не критически и на веру. Однако, насмешки Уэллса бьют мимо цели. Студенты-коммунисты Оксфорда и Кембриджа гораздо серьезнее, активнее, смелее, чем их университетские собратья, даже когда они выходят из той же буржуазной интеллигенции. Они последовательны и честны: многие из них жизнь отдали за народную Испанию. Об этом Уэллс, разумеется, умалчивает.

Третья книга Уэллса наименее интересна. «Брингильда» — роман о жизни женщины — жены писателя. За внушительной внешностью самоуверенного и популярного писателя-эстета Раула Паласа скрывается ничтожный себялюбивый эгоист и краснобай. Брингильда убеждается в ничтожестве своего мужа. Она ищет самостоятельную точку опоры в жизни, но светская жизнь не оставляет никакого полезного занятия для «дамы из общества».

Судьба Паласа меняется. Приобретший имя эстетской иронией, проникающей все его произведения, он дал неосторожно повод к иронии по своему собственному адресу. Он позволил сфотографировать себя в нелепом костюме на сельской ярмарке. Фотография обходит всю печать, и писатель Палас предстает перед публикой в смешном и глупом виде: раскрывается частица его внутреннего «я». Тогда Палас решает восстановить свое положение организованной рекламой своей личности; он находит агента, который занимается его восхвалением в печати теми же методами, с помощью которых рекламируют бакалейные продукты или предметы широкого потребления. В процессе рекламной кампании агент Паласа встречается с конкурентом — писателем Бантером. С тем же Бантером встречается и героиня — Брингильда. Бантер, в отличие от Паласа, знает жизнь, и его произведения проникнуты правдой подлинных переживаний. Бантер — живой человек, а не эстетическая схема, как Палас. Между тем, Бантер живет под угрозой разоблачения, но разоблачения не той внутренней пустоты, которая отличает Паласа, а разоблачения своей прошлой жизни. Бантер, оказывается, покинул свой домашний очаг, бросил двух жен, предприятие, дом и обычную обстановку ради писательской деятельности, начатой им под другим именем. И писательская деятельность Бантера для него не путь к карьере, а внутренняя необходимость.

Романтический рассказ Бантера о себе звучит откровением для Брингильды. Она отдает-

ся Бантеру в порыве благодарности за то, что он своим вторжением в ее скучный повседневный мирок скрасил ее существование. Палас ничего не знает о том, что родившийся у него сын, «как две капли воды похожий на мать», на самом деле сын Бантера. Зато агенту Паласа, разоблачившему тождество Бантера с двоеженцем Дэвидом Льюисом, удастся заставить Бантера покинуть Англию. Палас после организованной для него рекламной поездки по Европе получает Нобелевскую литературную премию, — потому лишь, что «нет великих людей». Вот как говорит об этом агент Паласа:

«Наблюдается всеобщий недостаток. Нужда. Нехватает Великих Художников. Их нет. Нет новых великих писателей. Наш озабоченный мир перестал их производить. Мировое производство Великих Людей в области Литературы, Искусства, Мысли пало. Конец эпохи... Нобелевский Комитет ищет. Правительства ищут, в особенности срочно нужен великий писатель фашистской Германии. Фашистской Германии нужен великий писатель, чтобы прославлять, воздавать почести, возвеличивать фашистов. Но где они?»

В литературном отношении «Брингильда» слабее остальных двух книг Уэллса. Отсутствии романтической интриги на протяжении трех четвертей книги, пустые рассуждения Паласа, длинноты — все это делает «Брингильду» одним из наиболее скучных романов Уэллса.

Уэллс проявляет то же беспокойство за судьбы человечества, которое он проявляет уже несколько десятилетий. Беспокойство это в обстановке сегодняшнего дня, в обстановке напряженного ожидания новых военных потрясений, — естественно, еще более обострилось.

Уэллс в ужасе от всеобщего озверения, от нарастающей угрозы, которую он видит в войне и фашизме.

Не случайно Уэллс пишет о грубом мышлении, которое воплощается, например, в Гитлере. Не случайно говорит он о «чудовище Геринге или Муссолини», называя их по именам. Но, видя в фашизме психологическую болезнь века, Уэллс не понимает классовой природы фашизма, значения фашизма как симптома слабости буржуазии, которая считает себя неспособной удержать власть другими средствами.

Уэллс и его герои-интеллигенты попрежнему боятся масс и не доверяют им. Не случайно Уэллс считает нужным поиронизировать над коммунистической молодежью.

Идеи «спасения человечества», пропаганди-

руемые Уэллсом,— это все те же идеи, которые Уэллс проповедует во всех своих книгах. Это все те же утомительные, надоевшие и бесплодные идеи технократии. Сейчас они кажутся еще более неуместными, чем когда-либо, а ставка Уэллса на избранные умы интеллигенции, на «критически мыслящих личностей» звучит не только наивно, но и достаточно неприятно.

«Облик грядущего» и «Игрок в крокет» позволяли предполагать, что Уэллс, увидевший в фашизме угрозу цивилизации, понявший, что фюреры и дуче фашизма есть лишь вариации неандертальского дикаря с дубиной, сможет подняться и до уяснения себе того факта, что только в единении всех антифашистских сил, что лишь в создании народно-

го фронта открывается возможность сначала преградить путь фашизму, а потом и уничтожить его. К сожалению, Уэллс в своих последних произведениях перепевает свои старые идеи, перепевает их с утомительной настойчивостью. Уэллс попрежнему отвергает применение силы, как метод борьбы с агрессорами, с фашизмом вообще. Как и раньше, он далек от понимания исторической роли пролетариата. Пытаясь занять «среднюю» позицию между фашизмом и коммунизмом, Уэллс, вольно или невольно, что совершенно безразлично, фактически играет на руку тем самым темным силам, которые он так метко изобразил в «Облике грядущего» и «Игроке в крокет». Сумеет ли увидеть это творимое им зло сам Уэллс? Сомнительно.

ОТ РЕДАКЦИИ: Статья т. Завича была уже заверстана в номер, когда редакция получила от своего английского корреспондента Джека Линдсея подробную информацию о новой, только что вышедшей книге Уэллса «Братья». Этот новый роман, к сожалению, подтверждает пессимистический прогноз т. Завича в отношении дальнейшей эволюции Уэллса. «В «Братьях»,— пишет Д. Линдсей — как бы кристаллизировалось все, что есть у Уэллса путаного и вредного. В основе всего этого лежит его яростный отказ допустить существование классовой борьбы. Роман свидетельствует об упадке умственных сил Уэллса. Реальный мир совершенно перестал существовать для него. Есть только мистер Уэллс и различные аспекты его особы. Книга показывает, что ее автор не знает самых эле-

ментарных вещей о фашизме и коммунизме. Причиной всех бед, происходящих в мире, как всегда, по мнению Уэллса, является глупость: «подлинный враг человечества — не фашист, а невежественный «глупец». Виноват во всем мир, который не хочет слушать рецепта его спасения, предлагаемого Уэллсом».

Естественно, что вся английская реакционная критика приветствует новую книгу Уэллса, в то время как левая печать (даже лейбористская, как, например, «Трибюн») единодушно ее осуждает. Печально зрелище заката писателя, умевшего все же, при всей ограниченности его видения мира, глядеть далеко в будущее человечества. Последние произведения Уэллса заставляют думать, что все, что он мог сказать миру и человечеству, уже давно сказано.